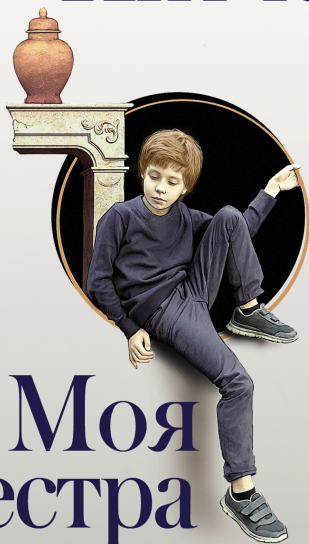

Аннабель
Питчер

Моя
сестра
живет
на каминной
полке

Аннабель Питчер
Моя сестра живет
на каминной полке
Серия «Разгадай меня»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4368295

*Моя сестра живет на каминной полке: [роман] / Аннабель Питчер:
Фантом Пресс; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-111712-2*

Аннотация

Десятилетний Джейми не плакал уже несколько лет — с того самого дня, когда жизнь его семьи раскололась на «до» и «после». С того самого дня, когда его сестра Роза поселилась на каминной полке. И хотя вокруг твердили, что со временем все наладится, с каждым чертовым днем становится только хуже: папа не расстается с бутылкой, старшая сестра Жасмин бунтует, а мама и вовсе сбежала. Но Джейми верит, что она обязательно-преобязательно вернется и тогда все будут счастливы, как прежде. Для этого он готов на что угодно, даже стать знаменитым...

Так начинается удивительно трогательная история о неожиданной дружбе, самом лучшем в мире коте и супергероях, живущих в каждом из нас. История о том, что значит терять и

что значит по-настоящему сражаться за свою семью. История, которая заставит улыбнуться. Сквозь слезы.

Содержание

1	6
2	14
3	22
4	34
5	47
6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Аннабель Питчер

Моя сестра живет на каминной полке

Роман

Annabel Pitcher

My sister lives on the mantelpiece

© Annabel Pitcher, 2011

© Перевод. Г. Тумаркина, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Моим родителям, благодаря которым я
появилась на свет*

Моя сестра Роза живет на каминной полке. Ну, не вся, конечно. Три ее пальца, правый локоть и одна коленка похоронены в Лондоне, на кладбище. Когда полиция собрала десять кусочков ее тела, мама с папой долго препирались. Маме хотелось настоящую могилу, чтобы навещать ее. А папа хотел устроить кремацию и развеять прах в море. Это мне Жасмин рассказала. Она больше помнит. Мне же было только пять, когда это случилось. А Жасмин было десять. Она была Розиной близняшкой. Она и сейчас ее близняшка, так мама с папой говорят. Они, когда Розу похоронили, потом еще долго-долго наряжали Джас в платица с цветочками, вязаные кофты и туфли без каблучков и с пряжками – Роза обожала все такое. Я думаю, мама потому и сбежала с тем дядькой из группы психологической поддержки семьдесят один день назад. Потому что Джас на свой пятнадцатый день рождения обрезала волосы, выкрасила их в розовый цвет и воткнула себе в нос сережку. И перестала быть похожей на Розу. Вот родители этого и не вынесли.

Каждому из них досталось по пять кусочков. Мама свои сложила в шикарный белый гроб и похоронила под шикарным белым камнем, на котором написано: *Мой Ангел*. А папа свои (ключицу, два ребра, кусочек черепа и мизинец ноги)

сжег и пепел ссыпал в урну золотого цвета. Каждый, стало быть, добился своего, но – какой сюрприз! – радости им это не принесло. Мама говорит, кладбище наводит на нее тоску. А папа каждый год собирается развеять пепел, но в последнюю минуту передумывает. Только соберется высыпать Розу в море, как непременно что-то случается. Один раз в Девоне море просто кишмя кишело серебристыми рыбками, которые, похоже, только и ждали, чтобы слопать мою сестру. А другой раз в Корнуолле, когда папа начал уже было открывать урну, какая-то чайка взяла и какнула на нее. Я засмеялся, но Джас была грустной, и я перестал.

Ну, мы и уехали из Лондона, подальше от всего этого. У папы был один приятель, у которого был приятель, который позвонил папе и сказал, что есть работа на стройке в Озерном крае. Папа уже лет сто сидел без работы. Сейчас кризис, это значит, что у страны нет денег, и потому почти ничего не строится. Когда папа получил место в Эмблсайте, мы продали нашу квартиру и сняли там дом, а маму оставили в Лондоне. Я на целых пять фунтов поспорил с Джас, что мама придет помахать нам рукой. И проиграл, но Джас не заставила меня платить. Только сказала в машине: «Давай сыграем в „угадайку“». А сама не сумела угадать *кое-что на букву «Р»*, хотя Роджер сидел прямо у меня на коленях и мурлыкал, подсказывал ей.

Здесь все по-другому. Горы (такие высоченные, что макушками небось подпихивают бога под самый зад), сотни де-

ревьев и тишина.

– Никого нет, – сказал я, выглянув в окно (есть тут с кем поиграть?), когда мы отыскивали свой дом в конце извилистой улочки.

– Мусульман нет, – поправил меня папа и улыбнулся в первый раз за день.

Мы с Джас вылезли из машины и не улыбнулись в ответ.

Новый дом нисколько не похож на нашу квартиру на Финсбери-парк. Он белый, а не коричневый, большой, а не маленький, старый, а не новый. В школе мой любимый урок – рисование, и если бы я взялся рисовать дома в виде людей, то изобразил бы этот наш дом полоумной старушенцией с беззубой ухмылкой. А наш лондонский дом – бравым солдатом, втиснутым в строй таких же молодцов. Маме понравилось бы. Она ведь учительница в художественном колледже. Если бы послать ей мои рисунки, наверное, всем-всем своим студентам показала бы.

Хотя мама осталась в Лондоне, я все равно с радостью распрощался с той квартирой. Комнатушка у меня была малюсенькая, а поменаться с Розой мне не разрешали, потому что она умерла и все ее шмотки – это святыни. Такой ответ я получал всякий раз, когда спрашивал, можно ли мне переехать. *Комната Розы – это святое, Джеймс. Не ходи туда, Джеймс. Это святое!* А чего святого в куче старых кукол, розовом пыльном одеяле и облезлом плюшевом медведе? Когда я один раз после школы прыгал на Розиной кровати,

ти вверх-вниз, вверх-вниз, ничего такого святого не почувствовал. Джас велела мне прекратить, но обещала, что никому не скажет.

Ну вот, мы приехали, выбрались из машины и долго смотрели на наш новый дом. Солнце садилось, горы светились оранжевым, и в одном окне было видно наше отражение – папа, Джас и я с Роджером на руках. На одну секундочку у меня вспыхнула надежда, что это и впрямь начало совсем новой жизни и все теперь у нас будет в порядке. Папа подхватил чемодан, вытащил из кармана ключ и пошел по дорожке. Джас улыбнулась мне, погладила Роджера и пошла следом. Я опустил кота на землю. Тот сразу полез в кусты, продираясь сквозь листву, только хвост торчал.

– Ну, иди же, – позвала Джас, обернувшись на крыльце у двери, протянула руку, и я побежал к ней.

В дом мы вошли вместе.

* * *

Джас первая это увидела. Я почувствовал, как ее рука сжала мою.

– Чаю хотите? – спросила она чересчур громко, а сама глаз не сводила с какой-то штуки в руках у папы.

Папа сидел на корточках посередине гостиной, а вокруг валялась его одежда, будто он впопыхах вытряхнул свой чемодан.

– Где чайник? – Джас старалась вести себя как обычно.

Папа продолжал смотреть на урну. Плюнул на ее бок, принялся тереть рукавом и тер, пока золото не заблестело. Потом поставил мою сестру на каминную полку – бежевую и пыльную, в точности такую же, как в нашей лондонской квартире, – и прошептал:

– Добро пожаловать в твой новый дом, милая.

Джас выбрала себе самую большую комнату. Со старым очагом в углу и встроенным шкафом, который она набила новенькой одеждой черного цвета. А к балкам на потолке подвесила китайские колокольчики: подуешь – и зазвенят. Но моя комната мне больше нравится. Окно выходит в сад за домом, там есть скрипучая яблоня и пруд. А подоконник до чего широченный! Джас положила на него подушку. В первую ночь после приезда мы долго-долго сидели на этом подоконнике и смотрели на звезды. В Лондоне я их никогда не видел. Слишком яркий свет от домов и машин не давал ничего разглядеть на небе. Здесь звезды такие ясные. Джас мне все рассказала про созвездия. Она бредит гороскопами и каждое утро читает свой в Интернете. Он ей в точности предсказывает, что в этот день будет. «Тогда ведь никакого сюрприза не будет», – сказал я, когда Джас притворилась больной, потому что гороскоп выдал что-то про неожиданное событие. «В том-то и дело», – ответила она и натянула на голову одеяло.

Ее знак – Близнецы. Это странно, потому что Джас больше не близняшка. А мой знак – Лев. Джас встала на подушке на колени и показала созвездие в окне. Оно не очень походило на животное, но Джас сказала, что, когда мне взгрустнется, я должен подумать о серебряном льве над головой, и все будет хорошо. Мне хотелось спросить, зачем она мне про это говорит, ведь папа обещал нам «совсем новую жизнь», но вспомнил про урну на камине и побоялся услышать ответ. На следующее утро я нашел в мусорном ведре бутылку из-под водки и понял, что жизнь в Озерном крае не будет отличаться от лондонской.

Это было две недели тому назад. Кроме урны папа вытащил из чемоданов старый альбом с фотографиями и кое-что из своей одежды. Грузчики распаковали крупные вещи – кровати, диван, все такое, – а мы с Джас разобрали остальное. За исключением больших коробок, помеченных словом СВЯТОЕ. Они стоят в подвале, накрытые пластиковыми пакетами, чтоб не промокли, если вдруг наводнение или еще что. Когда мы закрыли подвальную дверь, у Джас глаза были все мокрые и тушь потекла. Она спросила:

– Тебя это что, совсем не волнует?

Я сказал:

– Нет.

– Почему?

– Она же умерла.

Джас сморщилась:

– Не говори так, Джейми!

Почему, интересно, не говорить? Умерла. Умерла. Умерла-умерла-умерла. *Скончалась* – как говорит мама. *Отошла в лучший мир* – по-папиному. Не знаю, почему папа так выражается, он ведь не ходит в церковь. Если только лучший мир, о котором он твердит, это не рай, а внутренность гроба или золотой урны.

* * *

Психолог в Лондоне сказала, что я «все еще переживаю шок и отказываюсь принять произошедшее». Она сказала: «Однажды ты осознаешь, и тогда ты заплачешь». Наверное, еще не осознал, потому что не плачу с того 9 сентября, почти пять лет уже. В прошлом году мама с папой отправили меня к этой толстой тетке, потому что им казалось странным, что я не плачу о Розе. Я хотел было спросить, стали бы они плакать о том, кого даже не помнят, да прикусил язык.

В том-то вся и штука, только она ни до кого не доходит. Я не помню Розу. Почти совсем. Помню какой-то праздник, и как две девочки играют в «Море волнуется – раз», но не помню, где это было, что Роза говорила, нравилось ли ей играть. Знаю, что сестры были подружками невесты на свадьбе у ка-

кого-то нашего соседа, но перед глазами стоит только трубка с разноцветным драже, которую мама дала мне на церковной службе. Даже тогда мне больше всего нравились красные, я сжимал горошины в руке, и ладонь стала розовой. А как Роза была одета – не помню, и как она шла по проходу – тоже. Вообще ничего такого не помню. После похорон я спросил Джас, где Роза, она показала на урну на каминной полке. А я сказал: «Как это девочка может поместиться в такой маленькой банке?» И Джас заплакала. Это она мне так рассказывала. Сам я не помню.

Один раз мне задали на дом сочинение о каком-нибудь замечательном человеке, и я пятнадцать минут описывал Уэйна Руни¹. Целую страницу накатал. А мама заставила ее вырвать и написать про Розу. Я не знал, что писать, и тогда мама села напротив меня, вся красная, в слезах, и все продиктовала. Улыбнулась, грустно-грустно, и сказала: «Когда ты родился, Роза показала на твоего петушка и спросила: это червячок?» Я заявил, что не буду писать про это в сочинении. Улыбка сползла с маминого лица, слезы закапали с носа на подбородок, я испугался и написал, что она хотела. Через пару дней учительница на уроке прочла мое сочинение вслух. И поставила «отлично», а ребята начали меня дразнить. *Хренарик-с-чинарик* – вот как они меня обзывали.

¹ Звезда английского футбола, основной нападающий клуба «Ди Си Юнайтед». Выступал за сборную Англии.

Завтра у меня день рождения, а через неделю я пойду в новую школу – англиканскую начальную школу Эмблсайда. До нее три с лишним километра, поэтому папе придется сесть за руль. Здесь вам не Лондон – ни автобусов, ни электричек на случай, если папа будет совсем пьяным. Джас говорит, если некому будет нас подвезти, она меня проводит, потому что ее школа на полтора километра дальше.

– По крайней мере, станем худыми и стройными, – сказала она.

А я посмотрел на свои руки и сказал:

– Мальчикам худыми быть плохо.

Джас совсем не толстая, но ест как мышка и вечно изучает этикетки на всяких продуктах – калории считает. Сегодня она испекла пирог в честь моего дня рождения. Сказала, что он полезный для здоровья – на маргарине, совсем без масла и почти без сахара. Чудной, наверное, на вкус. Хотя красивый. Мы будем его есть завтра, и я сам его разрежу, потому что это мой праздник.

Почту я еще утром проверил, но там ничего не было, кроме меню из ресторана «Карри». (Я его припрятал, чтобы папа не разозлился.) Ни подарка от мамы. Ни открытки. Но ведь еще целое завтра впереди. Она не забудет. Когда мы еще не

уехали из Лондона, я купил открытку «Мы переезжаем» и послал ей. Написал там только наш новый адрес и свое имя. Не знал, что еще писать. Мама живет в Хэмпстеде с тем дядькой из группы поддержки. Найджел его зовут, я его видел в какой-то День памяти в центре Лондона. Длинная мохнатая борода. Нос как клюв. Трубку курил. Он пишет книжки о других людях, которые уже написали книжки. По-моему, мартышкин труд. У него тоже 9 сентября погибла жена. Может быть, мама выйдет за него замуж. И у них родится дочка, и они назовут ее Розой, и позабудут про меня, и про Джас, и про первую жену Найджела. Интересно, он нашел какие-нибудь кусочки от нее? Может, у него на каминной полке тоже стоит банка и он покупает своей жене цветы в годовщину их свадьбы? Маме такое ужасно не понравится, это точно.

Ко мне в комнату пришел Роджер. Он любит на ночь сворачиваться в клубок у батареи, где потеплее. Роджеру здесь все по душе. В Лондоне его вечно держали взаперти из-за машин, а здесь он может гулять где хочет, а в саду полно всякой дичи. На третье после нашего переезда утро я нашел на крыльце что-то маленькое, серенькое и дохлое. По-моему, мышь. Поднять ее голой рукой у меня духу не хватило, я взял палку, перекатил комочек на лист бумаги и тогда уж выбросил в ведро. Но потом мне стало стыдно, и я вытащил мышку из ведра, положил под живую изгородь и прикрыл травой. Роджер возмущенно мяукал – дескать, я так старался, а ты что вытворяешь! Тогда я ему объяснил, что не пе-

реношу покойников, и он потерялся рыжим боком о мою правую ногу – значит, понял. Это правда. Я когда вижу мертвых, сам не свой делаюсь. Дурно, конечно, так говорить, но, если уж ей пришлось умереть, я рад, что Розу собирали по кусочкам. Было бы гораздо хуже, если б она лежала под землей, окостеневшая и холодная, а с виду – в точности девочка на фотокарточках.

Наверное, когда-то у нас была счастливая семья. На старых снимках сплошь улыбки от уха до уха и глаза-щелочки, будто кто-то только что классно схохмил. В Лондоне папа мог часами разглядывать эти фотки. У нас их были сотни; все сняты до 9 сентября и свалены вперемешку в пять разных коробок. Четыре года спустя папа решил разложить все по порядку: самые старые карточки в конце, последние – в начале. Купил десять таких шикарных альбомов, из настоящей кожи и с золотыми буквами, и несколько месяцев подряд каждый вечер пил, пил, пил и клеил фотокарточки в альбомы. И ни с кем не разговаривал. Только чем больше он пил, тем труднее ему было приклеивать ровно, поэтому на следующий день приходилось половину карточек отдирать и переклеивать заново. Должно быть, тогда-то мама и завела «шашни». Это слово я слышал в сериале «Жители Ист-Энда»² и никак не ожидал, что именно его будет орать мой соб-

² «Жители Ист-Энда» (англ. Eastenders) – британская мыльная опера, которая выходила с 1985 по 2017 год. Там показана повседневная жизнь простых обитателей вымышленного округа Уолфорд в Ист-Энде, восточной части Лондона.

ственный папа. Меня это просто оглушило. Я ведь ни о чем не догадывался, даже когда мама стала ходить в группу поддержки сначала два раза в неделю, потом три раза в неделю, потом – при каждом удобном случае.

Иногда проснусь ночью и забуду, что она ушла, а потом вдруг вспомню, и сердце ухнет в живот, как бывает, если оступишься на лестнице или нога сорвется с бордюра. Все сразу накатит, и я так отчетливо вижу то, что случилось в день рождения Джас, будто у меня в голове HD-телевизор, про который мама сказала, что это пустая трата денег, когда я попросил такой на прошлое Рождество.

Джас на целый час опаздывала на свой праздник. Мама и папа ссорились.

– Кристина сказала, что тебя у нее не было, – говорил папа, когда я вошел в кухню. – Я звонил ей.

Мама тяжело села на стул прямо около сэндвичей. Очень разумно, подумал я, можно раньше всех выбрать любую начинку. Там были сэндвичи с говядиной и с курицей, а еще какие-то желтые, про которые я подумал, что хорошо бы они были с сыром, а не с майонезом. У мамы на голове был смешной колпачок, но уголки рта опустились, и она смахивала на такого грустного клоуна из цирка. Папа открыл холодильник, достал пиво и хлопнул дверцей. На столе валялись уже четыре пустые банки из-под пива.

– Так где же, черт побери, ты была?

Мама открыла было рот, чтоб ответить, но тут у меня

громко заурчало в животе. Она вздрогнула, и они оба обернулись ко мне.

– Можно мне рулетик с мясом? – спросил я.

Папа замычал и схватил тарелку. Он был здорово сердит, но все равно аккуратно отрезал кусок пирога, обложил его мясными рулетами, и сэндвичами, и чипсами. Налил стакан фруктовой воды, как раз такой, как я люблю. Я протянул руки, а он протопал мимо меня прямо в гостиную, к камину. Я обиделся. Все знают – мертвые сестры есть не хотят. Я подумал, что сейчас мой желудок съест меня заживо, и тут входная дверь распахнулась. Папа как рывкнет:

– Ты опоздала!

А мама только охнула. Джас нервозно улыбалась, в носу у нее поблескивал бриллиантик, а волосы были розовее, чем жевательная резинка. Я улыбнулся в ответ, и вдруг – ТРАХ! – как бомба взорвалась, это папа выронил тарелку. А мама прошептала:

– Что ты наделала!

Джас стала вся красная. Папа что-то кричал про Розу, тыкал пальцем в урну, расплескивая фруктовую воду по всему ковру. А мама сидела как каменная, уставившись на Джас, и глаза ее наполнились слезами. Я запихал в рот сразу два рулетика и еще одну плюшку сунул под футболку.

– Ну и семейка, – зло пробурчал папа, переводя взгляд с Джас на маму, а у самого на лице такая тоска.

Ума не приложу, чего он так расстроился. Подумаешь,

прическа. И что такого плохого натворила мама, я тоже не понял. Роджер подъедал с ковра деньрожденский пирог. И зашипел недовольно, когда папа схватил его за шкурку и выкинул в холл. Джас бросилась вон и захлопнула свою дверь. А я успел съесть сэндвич и еще три плюшки, пока папа трясущимися руками прибирал остатки угощения для Розы. Мама не сводила глаз с пирога на ковре.

– Это я виновата, – пробормотала она.

Я покачал головой и прошептал, показывая на пятно от воды:

– Это же не ты пролила, а он.

А папа возьмет да как швырнет остатки еды в ведро, оно аж задребезжало. И снова принялся кричать. У меня даже уши заболели, и я убежал к Джас. Она сидела перед зеркалом, пристраивая так и сяк розовые прядки. Я дал ей плюшку, которую спрятал под футболку, и сказал:

– Ты очень красивая.

А она расплакалась. Девчонки такие странные.

После нашего праздничного ужина мама во всем призналась. Мы сидели на кровати у Джас и все слышали. Немудрено было. Мама плакала. Папа кричал. Джас ревела белугой, а я нет. ШАШНИ, снова и снова повторял папа, как будто, если долго орать одно и то же, скорее дойдет. Мама сказала: «Ты не понимаешь». Папа ответил: «А Найджел, значит, понимает». Тогда мама сказала: «Лучше, чем ты. Мы разговариваем. Он слушает. Он меня...» Тут папа оглушительно

выругался, перебил ее.

Это тянулось ужасно долго. У меня даже левая нога затекла. Папа задавал сотни всяких вопросов. Мама рыдала в голос. Он называл ее предательницей и лгуньей. Сказал: «Это последняя, черт бы ее подрал, капля». И мне сразу захотелось пить. Мама что-то возражала. Папа старался ее перекричать. «Мало, что ли, эта семья из-за тебя натерпелась!» – рычал он. Рыдания вдруг прекратились. Мама что-то сказала, мы не расслышали.

– Что? – потрясенно переспросил папа. – Что ты сказала?

Шаги в холле. Снова мамин голос, тихий, прямо за нашей дверью.

– Я больше так не могу, – повторила она устало, будто столетняя старуха. – Будет лучше, если я уйду.

Джас схватила меня за руку. У меня аж пальцы заныли, так Джас их сдавила.

– Кому лучше? – спросил папа.

– Всем, – ответила мама.

Теперь пришел папин черед плакать. Он уговаривал маму остаться. Просил прощения. Загородил входную дверь, но мама сказала: «Пропусти». Папа умолял дать ему еще один шанс. Обещал стараться изо всех сил, убрать подальше фотографии, найти работу.

– Я потерял Розу, я не могу потерять тебя.

Но мама уже вышла на улицу. Папа крикнул:

– Ты нужна нам!

А мама крикнула в ответ:

– Найджел мне нужен больше.

И ушла, а папа со всей силы как треснет по стене, и сломал себе палец, и потом ходил загипсованный целый месяц и еще три дня.

Почту еще не приносили. Сейчас тринадцать минут одиннадцатого и уже сто девяносто семь минут, как я разменял второй десяток. Только что услышал какой-то шум за дверью, но оказалось, это просто молочник. А в Лондоне мы сами ходили за молоком и частенько оставались совсем без молока, потому что до супермаркета надо было пятнадцать минут ехать, а покупать что-нибудь в соседнем магазине папа отказывался. Потому что хозяин там мусульманин. Я-то привык к хлопьям всухомятку, а мама прямо стонала, если не могла приготовить себе чашку чая с молоком.

Пока что подарки у меня так себе. Папа подарил футбольные бутсы на полтора размера меньше, чем надо. Я сейчас в них, и ощущение такое, будто пальцы у меня в мышеловке. Когда я их натянул, папа улыбнулся, в первый раз за долгое-долгое время. Я не стал говорить, что мне нужны бутсы побольше, потому что чек он наверняка выбросил. Просто сделал вид, что они мне впору. Все равно меня никогда не берут в футбольные команды, так что мне их не слишком часто придется надевать. В лондонской школе я каждый год записывался на каждый просмотр, но меня никогда не выбирали. Кроме одного раза, когда вратарь заболел и мистер Джексон поставил меня в ворота. Я позвал папу на матч, а

он погладил меня по голове, вроде как гордится мною. Мы проиграли тринадцать – ноль, но только шесть голов были по моей вине. Когда игра началась, я был жутко разобижен, что папа не пришел. А в конце – даже порадовался.

Роза купила мне книжку. Когда я вошел в гостиную, ее подарок, как обычно, лежал возле урны. Я как увидел, чуть не расхохотался – представил, как у урны вырастают ручки, ножки, голова и она топает в магазин за подарком. Но папа не спускал с меня очень серьезных глаз, поэтому я сорвал обертку и постарался скрыть разочарование, когда понял, что уже читал это. Я много читаю. В Лондоне на большой перемене я всегда ходил в школьную библиотеку. «Книги прекрасные друзья, они лучше, чем люди», – говорила наша библиотекарша. Не думаю, что это так. Люк Брэнстон целых четыре дня дружил со мной, когда они с Диллоном Сайксом поцапались из-за того, что Диллон сломал любимую линейку Люка, с эмблемой «Арсенала». Он сидел рядом со мной в столовой, мы с ним резались в карты на площадке, и почти целую неделю никто не обзывал меня Хренариком.

Джас ждет меня внизу. Мы с ней идем в парк играть в футбол. Она и папу звала:

– Пойдем, посмотришь, как Джейми обновит бутсы.

Но папа только хрюкнул и включил телевизор. Вид у него был как с перепоя. Я пошел проверить и, будьте уверены, нашел в ведре очередную бутылку из-под водки. Джас прошептала:

– Да он нам и не нужен, – а потом громко так: – Пошли поиграем!

Будто веселее ничего и не бывает.

Сейчас она крикнула мне снизу: «Ты готов?» Я отозвался со своего подоконника: «Почти», а сам и не двинулся с места. Хочу дождаться почты. Обычно ее приносят между десятью и одиннадцатью. Мама не могла забыть. У меня, например, так: важные дни рождения будто отпечатаны в голове несмываемыми чернилами – учителя иногда по ошибке пишут такими на электронных «досках». Но может, у мамы теперь, когда она живет с Найджелом, по-другому. Может, у Найджела есть свои собственные дети и теперь мама помнит их дни рождения.

Даже если я ничего не получу от мамы, бабушка мне точно что-нибудь подарит. Она живет в Шотландии, там папа и родился, и она никогда ничего не забывает, хотя ей уже восемьдесят один год. Хорошо бы видаться с ней почаще, потому что папа только ее одну и боится, и мне кажется, только она одна может заставить его бросить пить. Папа никогда не берет нас к ней в гости, а сама бабуля слишком стара, чтобы садиться за руль, и потому не может к нам приехать. По-моему, я на нее здорово похож. У нее рыжие волосы и веснушки – и у меня рыжие волосы и веснушки. И она такая же стойкая, как я. На похоронах Розы во всей церкви только мы с ней вдвоем не ревели. По крайней мере, Джас так говорила.

До парка почти полтора километра, и всю дорогу мы бе-

жали. Я так понял, Джас хотела лишние калории сжечь. Бывает, смотрим с ней телевизор, а она вдруг ни с того ни с сего принимается ногами махать вверх-вниз, а после школы раз по сто приседает. Вид у нее прикольный: длинное темное пальто, ярко-розовые волосы. Несется мимо овец, а те на нее тарашатся и кричат вслед: «Бе-е-е...» На бегу я все высматривал почтальона, потому что уже почти одиннадцать, а он до нашего ухода так и не появился.

В парке на качелях качались три девчонки, и разом все три уставились на нас, когда мы вошли. Прямо как крапивой обожгли своими взглядами, у меня лицо так и запылало, и я застрял у ворот. А Джас хоть бы что. Подлетела к свободным качелям и запрыгнула на сиденье своими черными башмаками. Девчонки вылупились на нее, будто она чокнутая, но Джас раскачивалась ужас как высоко и улыбалась, глядя в небо, словно все на свете ей по барабану.

Спорт – это не по ее части, она музыку больше любит, поэтому в футбол я обыграл Джас одной левой. Семь – два. Лучший гол забил с лета как раз левой ногой. Джас считает, что в этом году меня обязательно возьмут в команду. Она говорит, у меня волшебные бутсы и они сделают меня таким же забивалой, как Уэйн Руни. Пальцы на ногах у меня горели, как будто и впрямь от волшебства, я даже на какой-то миг поверил Джас, но потом сообразил, что все из-за нарушенного кровообращения. Ноги аж посинели. Джас спросила: «Тебе что, бутсы малы?» А я сказал: «Нет, в самый раз».

По дороге домой я страшно волновался. Джас талдычила про то, что хочет еще сделать пирсинг, но у меня все мысли были только о коврике перед дверью в холле. Я так и видел лежащий на нем сверток. Пухлый такой сверток, с прицепленной к блестящей оберточной бумаге какой-нибудь футбольной открыткой. Найджел ее, конечно, даже не подписал, а мама точно нарисовала внутри кучу поцелуев.

Уже открывая дверь, я почувал – что-то не так. Больно легко она поддалась. Я не решался опустить глаза вниз. Как это бабуля всегда говорит? Мал золотник, да дорог. Я постарался представить всякие маленькие подарочки, которые могла прислать мама, – все равно же они замечательные, хоть и не загораживают дверь. Но почему-то единственное, что пришло на ум, – этодохлая мышка, подарок от Роджера. Меня даже затошнило, и я поскорей перестал про нее думать.

Я посмотрел на ковер. Там лежал один-единственный конверт. Я узнал бабулин почерк с завитушками. Конечно, я сразу понял, что под конвертом ничего нет, но все-таки поддел его носком, на всякий случай – вдруг мама прислала что-то совсем-совсем малюсенькое. Скажем, значок «Манчестер Юнайтед», или ластик, или еще что.

Я чувствовал, что Джас смотрит на меня. Оглянулся на нее. Помню, как-то раз у меня на глазах собака выскочила на дорогу с оживленным движением. Я втянул голову в плечи, весь сморщился, так и ждал – сейчас на нее кто-нибудь наедет! Именно с таким видом Джас наблюдала, как я изучаю

коврик перед дверью. Я поспешно наклонился, вскрыл конверт и нарочно громко захохотал, когда из него выпорхнула на пол бумажка в двадцать фунтов.

– Представляешь, сколько всего ты сможешь закупить на эти деньги! – сказала Джас.

Хорошо, что она ни о чем меня не спросила, потому что в горле у меня застрял комок величиной с дом.

В гостиной лязгнула и зашипела открытая жестяная банка. Джас закашлялась, чтоб я не заметил, что папа пьет в мой праздник.

– Пошли есть пирог, – сказала она и потащила меня на кухню.

Свечек у нас не было, поэтому Джас воткнула в губку пару своих ароматических палочек. Я крепко зажмурился и загадал, чтоб поскорее принесли мамин подарок. Чтоб это была большущая-пребольшущая посылка, такая, что почтальон даже надорвется. Потом открыл глаза и увидел, как Джас мне улыбается. Мне стало немножко стыдно, и я мысленно добавил: «И, пожалуйста, пусть Джас вденет себе сережку в пупок». И только после этого набрал побольше воздуха и дунул. Все заволокло дымом, но палочки не задуешь, значит, мои желания не исполнятся.

Пирог я резал очень аккуратно, чтобы не испортить его красоту. По вкусу он напоминал йоркширский пудинг.

– Очень вкусно, – сказал я.

Джас засмеялась. Знала, что я вру.

– Пап, хочешь кусочек? – крикнула она, но ответа не последовало. Тогда она спросила меня: – Чувствуешь, что повзрослел?

А я сказал:

– Нет.

Ничего же не изменилось. Хотя я и разменял второй десяток, а чувствую себя в точности как в девять лет. Я такой же, как был в Лондоне. Джас такая же. И папа. Он даже не показался на стройке, хотя на автоответчике ему оставили пять сообщений за две недели.

Джас отщипнула краешек от тонюсенького кусочка пирога, а потом позвала меня к себе за подарком. Мы открыли дверь в ее комнату, и колокольчики тихонько звякнули. Джас сказала:

– Я не стала его заворачивать. – И протянула мне белую пластиковую коробку.

Там лежали альбом и цветные карандаши, лучше которых я не встречал.

– Я тебя первую нарисую, – сказал я.

Джас высунула язык и собрала глаза в кучку:

– Только если вот так.

После обеда мы смотрели фильм про Человека-паука. Самый улетный из всех улетных фильмов. Мы сидели на полу в комнате Джас, задернув шторы и закутавшись в одеяло, хотя за окном сияло солнце. У меня на коленях свернулся Роджер. Вообще-то он мой кот. Я за ним ухаживаю. А рань-

ше был Розин. Она все клянчила, клянчила какую-нибудь зверушку, и, когда ей стукнуло семь, мама согласилась. Посадила котенка в коробку, завязала ленточкой с бантиком, Роза открыла свой подарок и вскрикнула от радости. Мама рассказывала мне эту историю раз сто. То ли она забывает, что уже рассказывала про это, то ли ей просто нравится пересказывать – не знаю, только она так улыбается, что я прикусываю язык и слушаю до конца. Было бы здорово, если бы мама прислала мне зверушку на день рождения. Лучше всего паука, потому что он мог бы меня укусить, и тогда у меня появились бы сверхспособности, как у Человека-паука.

Когда после фильма я спустился вниз, от пирога почти ничего не осталось. На тарелке лежал всего один кусок, но не ровный треугольник, как я отрезал, а весь искромсанный на части. Я зашел в гостиную – на диване храпел папа, подбородок и вся грудь засыпаны крошками. На полу валялись три банки из-под пива, а за подушкой торчала бутылка из-под водки. Наверное, папа был слишком пьян и не распробовал, что у пирога странноватый вкус. Я уже хотел было снова подняться наверх, но тут мне на глаза попала моя сестра на каминной полке. Возле урны лежал кусок пирога, и я почему-то здорово разозлился. Подошел к Розе и, хотя я прекрасно знаю, что она умерла и ничего не слышит, взял и прошептал:

– Это мой день рождения, а не твой! – И запихал пирог в рот.

Два дня спустя я сидел в саду за домом, рисовал золотую рыбку в пруду и изо всех сил старался не прислушиваться – не идет ли почтальон. Все твердил себе, что никакого подарка не будет, но услышал шаги на дорожке и тут же бросился в дом. На коврик шлепнулись несколько писем. От мамы – ничего. И вдруг в дверь постучали. Я так поспешно ее распахнул, что почтальон отскочил в сторону.

– Посылка для Джеймса Мэттьюза, – сказал он.

У меня даже руки дрожали, когда я брал посылку.

– Распишитесь здесь, – пробормотал почтальон таким скучным голосом, будто не понимал, какое великое чудо происходит.

А я чувствовал себя прямо как Уэйн Руни и украсил свою подпись всякими загогулинами, чтоб походило на автограф. И почтальон повернулся и пошел прочь, к моему большому облегчению. Потому что на какое-то мгновение я испугался – если желания вправду исполняются, он же мог надорваться.

Посылку я отнес к себе наверх, но еще целых десять минут не открывал. Адрес был написан четкими большими буквами. Я обвел пальцем каждую букву на коричневой бумаге, представляя, как мама старательно выводит мое имя. Вдруг терпение у меня лопнуло, я больше не мог ждать ни секун-

ды. Я сорвал оберточную бумагу, скомкал и швырнул на пол. Внутри оказалась обыкновенная коробка, которая ни о чем мне не говорила. Роза обожала коробки, как-то раз сказал мне папа, она делала из них ракеты, замки, тоннели. Он сказал, что когда она была маленькой, то любила коробки больше, чем сами подарки.

Но я-то не Роза, поэтому я обрадовался, когда потряс коробку и в ней что-то зашуршало. Сердце у меня вело себя как дикий кролик на дороге в свете автомобильных фар. Поначалу оно вроде как застыло и боялось шевельнуться, а потом как сорвется с места! И помчалось вскачь как бешеное. В коробке лежало что-то из красно-синей материи. Я вытряхнул это на кровать, а у самого улыбка расползлась от уха до уха, как гамак между пальмами. Материя была мягкой, а вышитый паук – огромным, черным и зловещим. Я натянул через голову футболку Человека-паука и посмотрелся в зеркало. Джейми Мэттьюз исчез. Вместо него стоял супергерой. Вместо него стоял сам Человек-паук!

Если бы сегодня в парке на мне была эта новая футболка, я бы не испугался тех девчонок. Побежал бы за Джас, запрыгнул на качели одной ногой и встал бы твердо как вкопанный. И раскачивался бы выше всех и сильнее всех, а потом прямо на лету спрыгнул бы и полетел, и те девчонки в один голос ахнули бы: «Вот это да!» А я бы тогда расхохотался, громко так. ХА-ХА-ХА-ХА! И может, даже чертыхнулся или еще что. Уж я бы не стоял в десяти метрах, весь

красный, и не дрожал как последний трус.

Открытка была с футболистом в форме «Арсенала». Должно быть, мама решила, что это «Манчестер Юнайтед» – обе же команды играют в красном. На открытке она написала: *«Моему большому мальчику в день его десятилетия. С наилучшими пожеланиями, целую, мама»*. И три огромных поцелуя внизу. Я думал, счастливее уже и быть невозможно, а потом увидел постскрипtum: *«Надеюсь очень скоро увидеть тебя в новой футболке»*.

Я повторял, повторял про себя эти слова. Они до сих пор кружатся у меня в голове, как щенок, гоняющийся за своим хвостом. Я сижу на подушке у окна, рядом мурлычет Роджер. Знает, что день удался. Звезды сияют ярко как никогда. Точно сотни свечек на черном именинном пироге. Даже если бы я мог их задуть, мне нечего больше загадывать. День выдался суперский.

Интересно, мама уже заказала билет на поезд? Или, может, у Найджела есть машина и он одолжит ее маме, хотя не думаю, чтобы ей захотелось ехать в такую даль по скоростной магистрали. Она терпеть не может пробки и в Лондоне всегда ходит пешком. Но, так или иначе, она приедет, ей же надо проводить меня в новую школу и сказать: «Ни пуха ни пера» и «Веди себя хорошо» и всякое такое. И уж конечно, ей захочется посмотреть на меня в новой футболке. Не буду снимать ее до тех пор, пока мама не приедет, на всякий случай. И спать в ней буду, потому что супергерои всегда

на посту, а мама может приехать и поздно ночью, если поезд опоздает или затор приключится. Не сегодня ночью, и не завтра, и даже не послезавтра, но если мама сказала очень скоро, значит – очень скоро, и я должен быть готов к встрече в любую минуту.

Учительница посадила меня рядом с единственной мусульманкой во всей школе. Сказала: «Это Сунья» – и уставилась на меня, потому что я не сел. Глаза у миссис Фармер никакого цвета. Белесые какие-то. Как экран телика, который вдруг перестал показывать. На подбородке у нее бородавка, из которой торчат две волосины. Выдернуть их – пара пустяков. Может, она про них не знает? А может, они ей нравятся.

– В чем дело? – спросила миссис Фармер, и все в классе обернулись на меня.

Я хотел было крикнуть: «Мусульмане убили мою сестру!» – но подумал, что нельзя же начинать с этого. Обычно говорят: «Здравствуйте», или «Меня зовут Джейми», или «Мне десять лет». Поэтому я просто уселся за самый краешек стола, не глядя в сторону этой Суньи.

Папа взбесился бы, если б узнал. Больше всего его радует, что, уехав из Лондона, мы уехали от мусульман. «В Озерном крае никаких тебе чужеземцев, – говаривал он. – Только чистокровные британцы, которые не суют нос в чужие дела».

У нас на Финсберн-парк было видимо-невидимо иностранцев. Женщины расхаживали с такими длинными тряпками на головах, будто нарядились привидениями на Хеллоуин. На нашей улице была мечеть, мы видели, как они

идут туда молиться. Мне ужасно хотелось посмотреть, что там внутри, но папа запретил даже близко подходить.

Моя новая школа совсем маленькая. Стоит среди гор и деревьев, а сразу за воротами речка. На площадке только и слышно журчание, как в ванной, когда вода в дырку утекает. В Лондоне школа у самого шоссе, и мы могли сколько угодно слушать, видеть и нюхать проносящиеся мимо машины.

Я вытащил свой пенал, и миссис Фармер сказала:

– Добро пожаловать в нашу школу.

И все захлопали.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Я говорю:

– Джейми.

А она:

– Откуда ты приехал?

Кто-то прошептал:

– Из Лохляндии.

А я ответил:

– Из Лондона.

Миссис Фармер вздохнула и поведала, что с удовольствием посетила бы Лондон, не будь он так далеко. У меня живот просто свело, потому что вдруг показалось, будто мама на другом конце света.

– Твои документы еще не пришли. Может, ты нам что-нибудь о себе расскажешь? – сказала миссис Фармер.

В голове у меня ни одной, даже самой заваливающейся мысли.

Стою и молчу. Тогда миссис Фармер спрашивает:

– Сколько у тебя братьев и сестер?

А я даже на это не мог ничего ответить, потому что не знал, считать Розу или нет? Все захихикали. Миссис Фармер прикрикнула: «Тихо, дети!» – и спрашивает:

– Ну а какие-нибудь домашние животные у тебя есть?

А я говорю:

– У меня есть кот. Его зовут Роджер.

Миссис Фармер улыбнулась:

– Кот Роджер – очень мило.

Сначала мы писали сочинение на тему «Как я провел лето». На двух страницах, обращая особое внимание на точки и заглавные буквы, чтоб стояли там, где надо. Это как раз было просто. Гораздо труднее оказалось припомнить самые интересные и радостные события, как велела миссис Фармер, которые произошли этим летом. У меня радостными летними событиями были только подарки от мамы и Джас и то, как мы смотрели кино про Человека-паука. Я про это и написал. Хватило на неполную страницу, и то потому что я старался писать **ОЧЕНЬ** крупными буквами. Потом я сидел, уставившись в тетрадь, и думал о том, как было бы здорово написать о мороженом, или о парке с аттракционами, или о поездке на море.

– Осталось пять минут, – объявила миссис Фармер, прихлебывая кофе и поглядывая на часы. – Каждый должен написать две страницы, а некоторые сумеют одолеть и все три.

Какой-то мальчик поднял голову. Миссис Фармер подмигнула ему. Тот напыжился как индюк, потом нагнулся, только что носом не водил по столу, и принялся строчить с бешеной скоростью. Тысячи слов про замечательные каникулы вылетали из-под его ручки.

– Осталось три минуты.

А моя ручка как прилипла к началу второй страницы, так семь минут и не двигалась с места, даже какая-то каляка под ней образовалась.

– Выдумай что-нибудь.

Эти слова прозвучали так тихо, я даже решил, что мне слышалось. Посмотрел на Сунью, глаза у нее искрились, как речка на солнце. Темно-карие, почти черные глаза. На голове у нее был белый платок, который закрывал абсолютно все волосы. Только у щеки выбивался один волосок – черный, прямой и блестящий, как лакричная нитка. Она была левшой, и, когда писала, на запястье у нее позвякивали шесть браслетов.

– Выдумай, – повторила она и улыбнулась. На фоне смуглой кожи ее зубы казались очень белыми.

Я не знал, как быть. Мусульмане убили мою сестру, но мне же не нужны неприятности в первый школьный день. Я закатил глаза – мол, что за ерунда этот ее совет, – но тут миссис Фармер воскликнула:

– Две минуты осталось!

И я бросился писать как сумасшедший про «американ-

ские горки», и про походы на пляж, и про крабов в соленых лужицах под скалами. Написал, как мама хохотала до упаду, когда чайка хотела утащить у нее рыбу с картошкой, и как папа построил мне громадный замок из песка. Я написал, что замок был такой огромный, что вся наша семья могла в нем поместиться, но это походило на вранье, поэтому последнее предложение я зачеркнул. Еще написал, что Джас обгорела на солнце, а Роза – нет. На этих словах я на одну секундочку замешкался. Все остальное тоже неправда, но это уж самое большое вранье.

– Осталось шестьдесят секунд! – рывкнула миссис Фармер.

Моя ручка сама собой заскакала по странице. Я и оглянуться не успел, как накатал целый абзац про Розу.

– Время! – Миссис Фармер пристукнула ладонью по столу. – Кто хочет рассказать классу о своих каникулах?

Сунья вскинула руку, и браслеты звякнули, как колокольчики на дверях магазина. Миссис Фармер указала на нее, потом на мальчишку с надутым лицом, еще на двух девочек и на меня, хотя я и не думал поднимать руку. Я хотел сказать: «Спасибо, нет», но слова застряли где-то в горле. Я все сидел, и тогда она сердито прикрикнула:

– Выходи же, Джеймс!

Ну, я встал и поплелся к доске. Ботинки вдруг стали тяжелыми-претяжелыми. Кто-то показал пальцем на пятно у меня на «паучьей» футболке. Шоколадные шарики превра-

щают простое молоко в шоколадное; пить вкусно, но если прольешь – беда.

Первым свое сочинение читал тот пацан. Читал, читал...

– Сколько же у тебя страниц, Дэниел? – спросила миссис Фармер.

– Три с половиной! – ответил Дэниел, а у самого щеки чуть не лопались, так он раздулся от гордости.

Потом свои каникулы описывали девочка Александра и девочка Мейзи. Там было полным-полно всяких вечеринок, щенков и поездок в Париж. Затем настала очередь Суньи.

Она откашлялась. Глаза сузились в две искрящиеся щелки.

– «Каникулы должны были удаться на славу, – начала Сунья, сделала драматическую паузу и обвела взглядом класс. На улице прогрохотал грузовик. – На сайте отель выглядел чудесно. Он стоял в красивом лесу, и на многие километры вокруг не было ни одного дома. „Прекрасное место для отдыха“, – сказала мама. О, как она ошибалась! (Дэниел закатил глаза.) В первую ночь я не могла уснуть из-за шторма. Я слышала какой-то стук в окно и подумала, что это ветер качает ветку. Но стук не прекратился, даже когда ветер стих. Я встала с постели и открыла шторы...» – Сунья вдруг громко вскрикнула, миссис Фармер чуть не свалилась со стула. А Сунья затараторила: – «В стекло стучала не ветка, а костлявая рука. Потом показалась голова мертвеца, беззубая, с вылезшими волосами, и мертвец проговорил: „Впусти меня,

девочка,пусти меня“. Тогда я...»

Миссис Фармер встала, держась рукой за грудь.

– Очень занимательно, Сунья. Как всегда. Спасибо.

По лицу Суньи было видно, как она недовольна, что ей не дали дочитать до конца. Потом подошел мой черед. Я одним духом выпалил свое сочинение, а куски про Розу по возможности скомкал. Совесть мучила – я тут всем рассказываю, как она веселилась на пляже, а на самом деле Роза лежит в урне на каминной полке.

– Сколько лет твоим сестрам? – заинтересовалась миссис Фармер.

– Пятнадцать, – проямлил я.

– Ах, так они близнецы? – почему-то обрадовалась она. И воскликнула, когда я кивнул: – Какая прелесть!

У меня щеки так и горели. Покраснел, наверное, как помидор. Сунья не сводила с меня глаз. Как пить дать, гадала, что я придумал, а что – нет. Мне это жутко действовало на нервы, и я злобно уставился на нее. Только вместо того, чтобы смутиться, она улыбнулась широкой белозубой улыбкой и подмигнула, как будто у нас общий секрет.

– Прекрасно, – сказала миссис Фармер. – Вы все на один шаг стали ближе к раю.

Дэниел так и просиял, а я подумал: что за глупость. Ну, написали хорошие сочинения, так что? Вряд ли они производят какое-нибудь впечатление на Господа. Но тут миссис Фармер склонилась над столом, и я в первый раз заметил

стенд у нее за спиной. На нем вверх по диагонали поднимались пятнадцать пушистых облачков. В правом верхнем углу красовалось слово РАЙ, вырезанное из золотого картона. В левом нижнем углу сгруппировались тридцать ангелов, каждый с большими серебристыми крыльями, и у каждого на правом крыле написано имя. Ангелы выглядели бы вполне благочестиво, если бы не булавки, воткнутые им в головы, — это их так прикололи к стенду. Пухлой рукой миссис Фармер передвинула моего ангела на первое облако. То же самое она проделала с ангелами Александры и Мейзи, а вот ангела Дэниела перенесла через первое облако и водрузила на облако № 2.

На большой перемене я попытался завести друзей. Не хочу, чтобы здесь вышло как в Лондоне. В моей старой школе все меня дразнили девчонкой, потому что я люблю рисование, ботаником, потому что я умный, и чудиком, потому что мне трудно разговаривать с незнакомыми людьми. Сегодня утром Джас заявила:

– На этот раз надо обязательно завести себе друзей.

Я заволновался, потому что она так это сказала, как будто знала, что в Лондоне на большой перемене я бегал в библиотеку, а не на площадку.

Я кружил по школьному двору, выискивая, с кем бы заговорить. Только Сунья стояла сама по себе, все остальные мои одноклассники одной большой шайкой тусили на лужайке. Девочки плели венки из маргариток, мальчишки пинали мячик. Мне до смерти хотелось поиграть с ними, но духу не

хватало попроситься. Тогда я улегся неподалеку на солнышке, вроде как загораю, а сам все ждал: может, кто из ребят меня позовет. Закрыв глаза и слушал, как журчит речка, как хохочут мальчишки и взвизгивают девочки, когда мяч подлетает слишком близко.

Вдруг мне на лицо упала тень. Облако, что ли? Я посмотрел вверх, но увидел только два блестящих глаза, смуглое лицо и чуть колышущийся на ветерке волос. Я сказал:

– Отвали.

Сунья фыркнула:

– Очень мило!

Шлепнулась рядом со мной и рассмеялась.

– Чего тебе? – буркнул я.

– Перекинуться словечком с Человеком-пауком, – ответила Сунья и протянула раскрытую ладонь, на удивление розовую. На ладонке лежало скрученное из изоленды колечко. – Я и сама такая же! – прошептала она, оглянувшись по сторонам – не подслушивает ли кто.

Я бы и рад был не обращать внимания, но меня разобрало любопытство.

– Ну и какая же ты? – И нарочно зевнул, будто до лампочки мне ее слова.

– Разве не ясно? – Сунья показала на платок, закрывавший ей голову и плечи.

Я рывком сел. С отвисшей челюстью, наверное, потому ко мне в рот и залетела муха, точнехонько села на язык. Я

закашлялся, отплеываясь. Сунья расхохоталась.

– Мы с тобой одинаковые, – сказала она снова.

– Еще чего! – крикнул я.

Дэниел глянул в нашу сторону.

– Возьми. – Сунья с улыбкой протянула мне кольцо.

Я затряс головой и отполз на коленках подальше. Небось какой-нибудь мусульманский обычай. Хотя, когда мы в школе учили про Рамадан, нам ничего такого не говорили про ритуальные кольца из изоленты.

– Да бери же! – Сунья покачала у меня перед носом правой рукой. Средний палец был обмотан узкой полоской изоленты с приклеенным к ней коричневым камушком. Вместо бриллианта. – Никакого волшебства не получится, если у тебя не будет такого же, – сказала она.

– Мою сестру взорвали бомбой, – сказал я, вскочил и убежал.

По счастью, толстая тетка из столовой как раз свистнула в свисток, и я побежал в класс. Плюхнулся на свой стул. У меня просто ум за разум заходил, и пить очень хотелось. Ладони были мокрые, и на столе оставались отпечатки. Из коридора слышался смех, и в класс ввалилась толпа. У всех, ну буквально у каждого, на руке красовался веночек из маргариток. Даже у мальчишек. И хотя выглядели они полными дураками, я пожалел, что у меня нет такого цветочного браслета. Последней вошла Сунья, тоже без браслета. Подошла, усмехнулась и опять показала мне руку с кольцом из

изоленты на среднем пальце.

Мы позанимались математикой, а под конец – географией. На Сунью я за оба урока ни разу не посмотрел. На душе было гнусно, как будто я предал папу. Как же так вышло? Кожа у меня белая, говорю я на чистом английском языке и знаю, что нельзя взрывать ничьих сестер. С какой стати эта Сунья решила, что мне нужны мусульманские украшения? Что я такого сделал?

– На сегодня все! – объявила учительница.

И я понес учебник географии в свой новый шкафчик. На дверце написано: Джеймс Мэттьюз, а рядом лев нарисован. Я сразу вспомнил серебряного льва в небе. Открываю шкафчик и вижу что-то маленькое, белое под учебником английского. Лепестки. Оглядываюсь, а за спиной Дэниел, стоит и улыбается. И кивает – мол, ты глянь, чего там. Я сдвинул учебник в сторону, и сердце как заколотится. Венок из маргариток! Снова оглянулся, Дэниел большие пальцы показывает. У меня даже руки дрожали, когда я тоже оттопырил большие пальцы. И так вдруг захотелось поскорее оказаться дома, рассказать обо всем Джас. Тут Сунья откуда-то взялась, оглядела браслет. А лицо у нее странное, непонятное. Завидует, наверное. Я взял осторожненько браслет (а внутри все замерло, до того не терпелось нацепить его на руку), а он раз – и рассыпался! Дэниел загоготал мне в самое ухо. Сердце со всего маху шлепнулось куда-то вниз, а в груди точно большущая черная дыра открылась, и все счастье вытекло из

нее прямо на пол. Это был не браслет. Просто пучок измятых цветов. Сунья вовсе не завидовала. Она злилась. Уставилась на Дэниела, а глаза так и сверкают, как острые осколки стекла.

А Дэниел хлопнул по плечу пацана по имени Райан, шепнул что-то ему на ухо. Оба ухмыльнулись мне в лицо и оттопырили большие пальцы. Потом злорадно так хохотнули и выскочили из класса. А я пожалел, что тот серебряный лев не может прыгнуть с неба на землю и отгрызть им головы.

– Кольцо защитит тебя, – прошептала Сунья, и я так и подскочил от неожиданности. В классе остались только мы вдвоем. – Оно все может.

– Не нужна мне никакая защита, – буркнул я.

Сунья усмехнулась:

– Даже Человеку-пауку нужна помощь.

Солнце лилось в окно, отсвечивало от платка на голове Суньи. Мне вдруг представились ангелы с сиянием вокруг головы, Иисус, белая сахарная глазурь, еще что-то такое же светлое и чистое. Но только на одну секундочку, а потом перед глазами встало папино лицо и вытеснило все другие мысли. Я видел сузившиеся глаза и тонкие губы, которые говорили: «Страну поразила болезнь, и имя ей – мусульмане». А как такое может быть? Мусульмане, они же не заразные, и от них не бывает красных пятен, как от ветрянки. По-моему, от мусульман даже температура не подскакивает.

Я сделал шаг назад, один, другой и наткнулся на стул, по-

тому что не сводил глаз с лица Суньи. Я был уже у двери, когда она спросила:

– Ты что, не понимаешь?

– Нет, – ответил я.

Она молчала, и я испугался, что разговор окончен. Испустил вздох, типа – ну ты и зануда, и повернулся, будто собираюсь уходить. Тогда Сунья заговорила:

– А следовало бы понимать, потому что мы с тобой одной породы.

Я остановился и отчеканил:

– Я не мусульманин!

Ее смех зазвенел, как браслеты у нее на руке.

– Не мусульманин, нет. Но ты супергерой.

У меня глаза полезли на лоб. Смуглым пальцем Сунья показала на ткань, которая закрывала ей волосы и спину:

– Человек-паук, я – Чудо-девушка!

Она подошла ко мне и коснулась моей руки. Я и отшатнуться не успел, как она вышла из класса. С пересохшим ртом, с вытаращенными глазами я смотрел вслед бегущей по коридору Сунье и в первый раз заметил, что платок у нее за спиной полощется в точности как плащ супергероя.

Сегодня ровно пять лет, как это случилось. По телевизору только об этом и говорят, передача за передачей про 9 сентября. Пятница, у нас школа, поэтому на море мы не можем поехать. Думаю, завтра поедем. Папа ничего не сказал, но я видел, как он искал в Интернете, где тут поблизости пляж, а вчера вечером гладил урну, будто прощался.

Очень может быть, что он этого не сделает, поэтому я пока прощаться не стану. Попрощаюсь, когда он по-настоящему возьмет и высыплет пепел Розы в море. Два года назад он заставил меня потрогать урну и прошептать прощальные слова. Я чувствовал себя круглым дураком – она же меня не слышит. А уж каким идиотом я себя почувствовал, когда буквально на следующий день она снова очутилась на каминной полке и мое прощание оказалось совершенно бессмысленным.

Джас отпросилась с уроков, потому что ей очень грустно. Я иногда забываю, что Роза была ее близняшкой и что они прожили вместе десять лет, даже десять лет и девять месяцев, если считать время у мамы в животе. Интересно, они смотрели друг на друга, когда там сидели? Джас точно подглядывала. Она ужасно любопытная. Позавчера застукал ее в своей комнате – рылась в моем портфеле.

– Просто проверяю, сделал ли ты уроки, – заявила она. А раньше это делала мама.

Два ребенка в маме – вот, должно быть, теснотища-то. Думаю, поэтому они и не слишком ладили. Джас рассказывает, что Роза обожала командовать, ей всегда надо было быть в центре внимания, а чуть что не по ней – сразу в рев. В общем, доставала всех иногда.

– Хорошо, что это она умерла, а не ты, – сказал я и ласково улыбнулся, а Джас нахмурилась. – Ну, то есть если одна из вас должна была умереть... (Нижняя губа у Джас задрожала.) Разве без нее не стало чуточку лучше?

Я даже немножко рассердился. Это ведь Джас назвала Розу доставучей, а не я.

– Представь себе тень без человека, – сказала Джас.

Я вспомнил Питера Пена. Его тени в комнате у Венди было гораздо веселее без него самого. Я хотел растолковать это Джас, но она расплакалась. Тогда я дал ей салфетку и включил телевизор.

Утром, когда я уплетал шоколадные шарики, Джас спросила, не хочу ли я тоже пропустить сегодня школу. Я замотал головой.

– Уверен? – Она, не отрываясь от ноутбука, продолжала изучать свой гороскоп. – Если тебе грустно, можешь не ходить.

Я сгреб с буфета сэндвичи, которые она для меня приготовила.

– По пятницам у нас рисование, мой любимый урок, – объяснил я. – И еще мы идем в буфет, сегодня очередь шестых классов. – И помчался наверх, за бабулиными деньгами.

На общем собрании учительница прочла молитву за все семьи, пострадавшие 9 сентября. У меня было такое ощущение, будто мне прямо в голову долбит луч прожектора. В Лондоне я терпеть не мог 9 сентября, потому что вся школа знала, что случилось. Весь год никому до меня дела не было, никто со мной не общался, а в этот день все вдруг начинали дружить со мной. Говорили: «Наверное, ты скучаешь по Розе» или «Думаю, ты скучаешь по Розе», а я должен был отвечать «да» и печально кивать. Здесь же никто ничего не знает, и мне не надо притворяться. Вот и хорошо.

Мы все сказали «Аминь», я поднял голову от молитвенника и только подумал про себя: «Пронесло», как заметил пару сверкающих глаз. Сунья сидела скрестив ноги, уложив подбородок на левую руку. Она покусывала мизинец и задумчиво поглядывала в мою сторону. Вот черт! Я же сам сказал ей: «Мою сестру взорвали бомбой». Судя по тому, как Сунья смотрела на меня, она тоже это вспомнила.

После того как выяснилось, что она супергерой, я с ней еще и словом не обмолвился. На языке вертятся сотни вопросов, но только открою рот, как перед глазами встает папино лицо, и тогда губы сами сжимаются и слова не идут. Если бы папа узнал, что я хочу поговорить с мусульманкой,

он бы выгнал меня из дому. А податься мне некуда, потому что мама живет с Найджелом. Две недели прошло, как она прислала подарок, а сама пока так и не приехала. Я уже порядочно изгваздал футболку с пауком, но снять не могу, потому что это значило бы предать маму. А мама вообще не виновата, что застряла в Лондоне. Это все из-за мистера Уокера, маминого директора художественного колледжа. Гнус, каких свет не видывал. Хуже даже... даже Зеленого Гоблина из фильма «Человек-паук»! Один раз не отпустил маму на свадьбу к подруге, а уж как она его упрашивала. А в другой раз не дал отгул на похороны миссис Бест. Мама сказала, что сами похороны ее мало волнуют, потому как миссис Бест была чокнутой сплетницей, но она специально купила черное платье в магазине «Next», а сдать его нельзя, потому что Роджер сжевал чек.

В одном документальном кино по телику кто-то рассказывал, как потерял племянницу 9 сентября. Скажет пару слов – и плачет. Маме и папе тоже без конца названивали репортеры. Они никаких интервью не давали. Я бы не возражал, если бы меня позвали на ТВ, только я ничего не помню про тот день. Разве что сильный грохот и как все рыдали.

Думаю, папа считает виноватой маму, поэтому они и возненавидели друг друга. Даже разговаривать перестали. Я ничего в этом странного не видел, пока однажды не пришел в гости к Люку Брэнстону (это когда мы с ним четыре дня дружили), а его родители держатся за руки, и смеются, и болта-

ют без умолку. Наши мама с папой обменивались только самыми необходимыми словами. Ну, там: «Передай соль», или «Ты покормила Роджера?», или «Сними эти чертовы ботинки, я только что почистила ковер».

Джас помнит, как у нас было раньше, и эта игра в молчанку напрягает ее. А мне хоть бы хны, я другого-то и не знал. Один раз на Рождество мы с ней здорово поцапались из-за «Скрэббла». Я треснул ее доской по башке, а она хотела засунуть мне буквы за шиворот. А родители на нас и внимания не обратили. Просто сидели в гостиной и смотрели в разные стороны, даже когда Джас прибежала показать им шишку на лбу.

– Мы с тобой невидимки, – сказала она потом, вытаскивая «М» у меня из-за ворота.

Если бы мы были невидимками... Вот дали бы мне выбирать из любых сверхспособностей, я бы точно стал невидимкой, даже летать мне не так хочется.

– Или как будто мы тоже умерли, – продолжала Джас, извлекая «Т» из моего рукава.

Когда это случилось, мы были на Трафальгарской площади. Мама предложила туда пойти. Папа хотел устроить пикник в парке, а маме хотелось сходить на выставку. Папа любит деревню, потому что вырос в Шотландии, в горах. В Лондон переехал, только когда познакомился с мамой. «Если жить, то только в столице», – сказала она как-то.

Джас рассказывала, что день начался замечательно. Было

солнечно, но прохладно – изо рта вырывался парок, точь-в-точь как дым от сигареты. Я бросал голубям хлебные крошки и хохотал, глядя, как они пытаются их поймать. Джас и Роза бегали по площади, распугивая птиц, и те шумно хлопали крыльями. Мама смеялась, а папа сказал: «Прекратите, девочки!» Мама возразила: «Они же не делают ничего плохого». Но Джас все равно подбежала к папе, потому что не любила, когда ее ругают. Роза была не такой послушной. Вообще-то, она никогда не слушалась. Джас рассказывает, она и в школе плохо себя вела, вот только сейчас все про это забыли. Джас держала папу за руку, а тот кричал: «Роза, иди сюда!» Но мама отмахнулась: «Оставь ты ее в покое» – и, посмеиваясь, смотрела, как Роза, закинув голову, кружится на месте. Птицы вихрем носились вокруг, а мама кричала: «Быстрее, быстрее!» А потом сильно грохнуло и Розу разорвало на кусочки.

Джас говорит, вокруг стало черным-черно из-за дыма, а в ушах у нее стоял какой-то странный гул – взрыв был ужасно громкий. У нее приключилась баротравма барабанной перепонки, но она все равно слышала, как папа кричит: «Роза, Роза, Роза!»

Потом выяснилось, что это была террористическая атака. Бомбы заложили в пятнадцать мусорных ящиков по всему Лондону, взорваться они должны были в одно и то же время 9 сентября. Три не сработали; взорвались только двенадцать мусорных ящиков, но и этого хватило, чтобы убить шесть-

десять два человека. Роза оказалась самой молодой. Никто не знал, чьих рук это дело, пока какая-то мусульманская группировка не заявила в Интернете, что они совершили это во имя Аллаха. Это у них так Бог называется, в рифму со словом, которое я узнал, когда в семь с половиной лет ходил в шахматную секцию, – шах.

По телику показали фильм. Там восстановили все, что произошло 9 сентября. Про Розу там, конечно, ничего не было, потому что ни мама, ни папа не дали своего разрешения, но было интересно посмотреть, что было в других местах. Один из погибших вообще случайно оказался в Лондоне. Его поезд от станции Юстон до вокзала Манчестер Пиккадилли отменили, и он, вместо того чтобы подождать другой поезд, решил прогуляться по площади Ковент-Гарден. Проголодался, купил себе сэндвич, а бумажку выкинул в урну. Тут ему и конец пришел. Если бы поезд не отменили, или он не купил бы сэндвич, или хотя бы съел его на пару секунд раньше или позже, то он не выбросил бы бумажку именно в тот миг, когда взорвалась бомба. Это помогло мне кое-что понять. Если бы мы не пришли на Трафальгарскую площадь, или если бы там не было голубей, или если бы Роза была послушной, а не такой упрямницей, она осталась бы жива-здоровая и наша семья жила бы себе счастливо, как и раньше.

От этих мыслей мне стало как-то не по себе, и я принялся щелкать пультом. Только по телику одна реклама, как всегда. Пришла Джас – голова опущенная – и сказала:

– Папа заснул.

Она с таким облегчением это сказала, что меня начала грызть совесть. Я совсем ей не помог. Сидел тут с орущим телевизором, который заглушал противное бульканье в туалете.

– Завтра ему будет лучше, – сказала Джас.

А я предложил:

– Сыграем в «Угадай рекламу»?

Эту игру я сам придумал. Надо успеть назвать, что рекламируют, раньше телевизора. Джас кивнула, только пошла реклама, которую мы еще не видели, и игры не получилось. Там показывали большой театральный зал, какой-то человек кричал:

– Крупнейший в Британии конкурс талантов поможет вам осуществить свою мечту! Позвоните нам и измените свою жизнь!

Я подумал: вот было бы здорово поднять трубку, будто я взрослый, и заказать другую жизнь, как пиццу или еще что. Я бы себе заказал папу, который не пьет, и маму, которая нас не бросает. Но Джас я бы оставил в точности такой, как есть.

– Ты бы не надевал ее завтра, – Джас кивнула на мою футболку. – Мы будем развеивать прах Розы, папа хочет, чтобы мы были в черном.

А я как заору:

– Шоколадные шарики! – потому что началась реклама моих любимых хлопьев.

Наверное, я вырос с тех пор, как мы уехали из Лондона. Мне теперь все стало мало. Я надел черные штаны, а поверх маминой футболки – черный джемпер, но футболка все равно выглядывала из-под него. Джас закатила глаза, когда увидела, но папа ничего не заметил. Он поставил урну на кухонный стол и, пока мы завтракали, только на нее и смотрел. Урна была ужасно похожа на великанскую солонку, но, думаю, было бы не очень вкусно, если посыпать картошку Розой.

До моря мы ехали часа два и всю дорогу слушали запись, которую всегда слушаем в каждую годовщину. Раз за разом, снова и снова. Воспроизведение. Пауза. Назад. Воспроизведение. Пауза. Назад. Пленка истерлась, сплошной треск, но кое-что еще можно разобрать. Вот мама играет на пианино, а мои сестры распевают «Ты – мои крылья»: «Ты улыбнешься, и дух мой взлетает. Сила твоя меня окрыляет. В небе парю я змеем воздушным, птицей свободной, хотя и недужной. Стану я лучше, если ты любишь. Пусть даже скоро меня ты забудешь». Они записали это папе на день рождения, месяца за три до гибели Розы.

– Чудесно! – со слезами в голосе проговорил папа, когда Роза исполнила свой сольный кусочек. – Ангельский голос!

Всем, у кого есть уши, ясно, что Джас поет куда лучше. Я ей так и сказал, прямо в машине. Это было проще про-

стого. Мы с ней тряслись на заднем сиденье впритирку друг к дружке. Переднее сиденье досталось Розе. Папа даже пристегнул урну ремнем, а мне про ремень напомнить забыл.

Мы свернули с шоссе, начали спускаться с холма и вдруг увидели море – синюю, сверкающую и прямую-прямую полосу, будто кто по линейке прочертил. Мы подъезжали ближе, ближе, полоска становилась шире, шире. А папин ремень безопасности, наверное, стал ему слишком тесен, потому что папа принялся оттягивать его, словно тот мешал ему дышать. Когда мы заехали на парковку, папа рванул ворот рубашки, даже пуговица отскочила, и – бац! – прямо в серединку руля. Я как крикну: «В яблочко!» – только никто не засмеялся. Папа барабанил пальцами по приборной панели. Звук – как будто лошадь скачет.

Я подумал: интересно, есть здесь ослики? И тут Джас открыла дверцу. Папа вздрогнул. Джас подошла к парковочному автомату и побросала в него монетки. Пока выползал чек, папа выбрался из машины, прижимая урну к груди.

– Живее, – сказал он.

Я отстегнул ремень и вылез. На пляже пахло жареной рыбой и картошкой, у меня сразу заурчало в животе.

Когда мы шли по гальке к морю, я заметил пять отличных голышей. Голыш – это такой плоский камешек, который подпрыгивает по воде, если его правильно запустить. Джас когда-то учила меня. Я хотел было подобрать голыши и попробовать запустить, но побоялся – вдруг папа разозлится.

Он поскользнулся на какой-то водоросли и чуть урну не уронил. А это было бы плохо. Прах Розы такой мелкий-мелкий, как песок, все бы перемешалось, не собрать. Я почему знаю, потому что, еще когда мне было восемь лет, разок заглянул в урну. Ничего особенного. Я-то представлял себе, что там все разноцветное: что-то бежевое, как кожа, что-то белое, как кости. Не ожидал такой скукоты.

День был ветреный, волны били в берег и исчезали шипящей пеной, как кока-кола, если потрясти бутылку. Мне хотелось разуться и побегать по воде босиком, но я подумал, что сейчас, наверное, не стоит. Папа начал прощаться. Говорил то же самое, что и в прошлом году, и в позапрошлом году. Что мы, мол, никогда ее не забудем. Что отпускаем ее на волю. Краешком глаза я заметил что-то оранжево-зеленое, парящее в воздухе. Подняв голову и сощурившись от солнца, я увидел, как в облаках кружит и кружит воздушный змей и превращает ветер в красоту.

– Скажи что-нибудь, – шепнула Джас.

Я опустил голову. Папа не сводил с меня глаз. Не знаю, сколько он уже дожидался. Долго, наверное. Я положил руку на урну, построил серьезную физиономию и сказал: «Прощай, Роза». А потом: «Ты была хорошей сестрой» (что неправда) и еще – «Я буду по тебе скучать». Это уж было полным враньем – я не мог дождаться, когда мы наконец от нее избавимся.

Папа открыл урну. Честное слово, открыл! За все года, что

я помню, до этого у нас еще ни разу не доходило. Джас с усилием сглотнула. Я вообще перестал дышать. Ничего вокруг себя не видел, только папины пальцы, прах Розы да рвущийся в небо идеальный ромб. Заметил глубокий порез на среднем папином пальце. Когда это, интересно, он поранился? Болит, наверное. Папа попытался просунуть пальцы в урну, но они не пролезали. Он поморгал глазами и стиснул зубы. Подставил дрожащую ладонь. Такую высохшую, как у старика. Наклонил урну, выпрямил. Снова наклонил, сильнее, чем в первый раз. Горлышко почти коснулось ладони. Высыпалось несколько сереньких крупинок. Папа, задыхаясь, рывком поднял урну. Я разглядывал пепел у него на ладони и гадал – чем это было раньше? Розиным черепом? Пальцем на ноге? Ребрами? Оно чем угодно могло быть. Папа большим пальцем с нежностью прикоснулся к пеплу, шепча какие-то слова; мне не было слышно какие.

Ладонь с пеплом сжалась в кулак. Крепко, даже костяшки побелели. Папа глянул в небо, глянул на пляж. Обернулся ко мне, потом уставился на Джас. Он словно ждал, что сейчас кто-нибудь крикнет: НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО! Но мы молчали. Я думал, он подставит ладонь ветру, чтобы тот сдул пепел, а папа передал урну Джас и шагнул вперед. Море забурлило вокруг его ботинок. Я чувствовал, что краснею. Папа вел себя как ненормальный. Даже Джас смущенно закашлялась. Набежавшая волна замочила папе джинсы. Он сделал еще шаг. Соленая вода пенилась у его коленей. Медленно папа поднял

руку со сжатым кулаком. Где-то позади нас послышался радостный девчачий крик – змей взвился прямо к солнцу.

Лишь только папа разжал пальцы, как налетел сильный порыв ветра. Он сбил змея в небо и бросил пепел прямо папе в лицо. Папа вычихнул Розу. Девчонка снова завизжала, теперь испуганно, а какой-то парень с сильным акцентом заорал:

– Падает!

Папа резко оглянулся. Я проследил за его взглядом и увидел большую смуглую руку, пытавшуюся выровнять змея.

Папа затряс головой и громко выругался. Змей шлепнулся на гальку. Парень захохотал, обхватил девушку, и та тоже засмеялась. С громким всплеском папа выскочил из воды и выхватил у Джас урну. Она уже успела закрыть крышку, но папа прижал ее еще крепче и все зло смотрел на парня, будто это тот напустил на нас ветер.

– Как ты? – пробормотала Джас.

В папиных глазах стояли слезы. Мне почему-то вспомнились капли, которые покупают в аптеке, если у тебя какая инфекция, или аллергия, или ты мало ел морковки.

– Хочешь, я... То есть... я могу сама, если хочешь. Сама могу развеять...

Джас еще не договорила, а папа уже отвернулся и зашагал к машине, крепко зажав урну в левой руке. А я быстренько поднял голыш и запустил в море. Он пять раз подпрыгнул! Мой рекорд.

В понедельник утром миссис Фармер уселась за стол и зачитала объявления – про клуб садоводов, про диктофоны и про футбольную команду. Я сразу наострил уши, когда она сказала:

– В среду в три часа директор школы проводит отборочный матч. Сбор на школьном стадионе, не забудьте бутсы.

А затем устроила переключку. Все отвечали: «Здесь, мисс», а Дэниел отозвался: «Здесь, миссис Фармер». Только что не поклонился. Его ангел уже на пятом облаке. Ангел Суньи – на четвертом, а все остальные – на третьем. Только мой до сих пор на первом.

– Как вы провели выходные? – спросила миссис Фармер, и все разом загалдели. А я сидел тихо. – Не все сразу, по очереди. – Миссис Фармер указала на меня: – Сначала Джейми. Ну, чем интересным ты занимался?

Я вспомнил море, а потом вспомнил пепел, а потом – свечки, которые папа зажег вокруг Розы, когда она вернулась к себе на камин. Нет, про мои выходные так просто не расскажешь.

– Можно в туалет? – спросил я.

Миссис Фармер испустила тяжкий вздох:

– Уроки только что начались.

Я не понял – это да или нет, и не знал, как мне быть. Привстал, снова сел.

– Расскажи про свои выходные, – процедила она, как будто я нарочно упрямлюсь.

Раздалось металлическое позвякивание, и сбоку возникла поднятая рука Суньи.

– Можно мне, миссис Фармер! Можно я расскажу! – И, не дожидаясь ответа, Сунья выпалила: – Я познакомилась с сестрами Джейми!

Я разинул рот.

– А, с близняшками! – Миссис Фармер с улыбкой подавалась вперед.

Сунья кивнула:

– Они такие славные. Обе.

Миссис Фармер перевела на меня бесцветные глаза:

– Напомни, как их зовут?

Я откашлялся, выдавил:

– Джас...

– ...и Роза, – вмешалась Сунья. – Мы все вместе ездили на озеро³ и ели мороженое и конфеты, и собирали ракушки, и встретили русалок, и они нас учили дышать под водой...

Миссис Фармер вытаращила глаза, сказала: «Очень интересно» – и начала урок.

– Ну ты и урод! – крикнул мне на перемене Дэниел, и все

³ Эмблсайд расположен у истока озера Уиндермир, самого длинного озера Англии.

вокруг заржали. Я сидел на стадионе, сам по себе, и разглядывал собственный башмак, будто занимательней зрелища не найти. – И подружка у тебя чокнутая!

Все опять так и грохнули. Похоже, их там было человек сто. Или – тысяча. Уточнять я не стал. Чтобы хоть чем-то заняться, я развязал шнурок.

– Шизанутый псих! – орал Дэниел. – С русалками трендит и разгуливает в вонючей футболке!

Я стал завязывать шнурок бантиком, но ничего не выходило – руки тряслись. Я до боли впился зубами в согнутое колено. Вроде стало полегче.

– А мне его футболка нравится! – раздался чей-то крик, и сердце у меня замерло.

Сунья запыхалась, будто примчалась ко мне на помощь откуда-то издалека. Я разом обрадовался и разозлился.

– Трусня! – не унимался Дэниел.

И все тут принялись орать: «Девчонка! Мозгляк!» Дэниел подождал, пока дружки уgomонятся, и сказал:

– Девчонка за тебя заступается! А самому слабо ответить, как настоящему мужику?

Вот загнул. Полная фигня. Даже смешно! Я бы и расхохотался, только ведь накостыляют.

– Настоящие мужики не носят веночки из маргариток! – крикнула Сунья.

И все хором выдохнули:

– О-о-ох!

Дэниел не нашелся что сказать. Я оглянулся. Сунья стояла подбоченившись, ее платок полоскался на ветру. Чудо-девушка.

– Да пошла ты, – протянул Дэниел скучающим тоном, а у самого лицо серым стало, того же мышинового цвета, что и волосы. Понял, что проиграл. И понял, что я это понял, и зыркнул на меня с такой ненавистью. У меня даже мурашки по спине заскакали. – Ну их, этих лохов. Пускай друг с дружкой водятся. – И пошел прочь, громко хохоча над какой-то хохмой, которую отпустил Райан.

Остались только мы с Суньей. Было так тихо, будто мы сидим в телевизоре с выключенным звуком.

Я хотел сказать: «Какая ты храбрая». И еще хотел сказать: «Спасибо». Но больше всего мне хотелось спросить про мое изолентовое кольцо – у нее оно или нет? Но все слова застряли в горле, в точности как куриная косточка, которую я проглотил, когда мне было шесть лет. Сунья, похоже, ни в каких словах и не нуждалась. Она улыбнулась мне, показала на свой платок и убежала.

* * *

В первый раз с тех пор, как ушла мама, я рад, что она больше не живет с нами. Сегодня вечером нам будет звонить директор.

– Мы не потерпим воровства в нашей школе, – отчеканил

он, а миссис Фармер сняла моего ангела с первого облака и сунула в левый нижний угол.

Это случилось после обеда. Дэниел и Райан пожаловались, что у них украли часы. А затем Александра и Мейзи заявили, что у них пропали сережки. Я поначалу не обратил внимания. В Лондоне у нас вечно что-нибудь пропадало. Подумаешь. Но здесь, похоже, это событие мирового масштаба. Все заохали. А миссис Фармер так и застыла столбом у доски. Волоски у нее на бородавке встали по стойке смирно, как солдаты в военных фильмах.

Ожив, она велела нам вытащить все из шкафчиков. Заставила вывернуть карманы и потряхнуть на пол содержимое мешков для физкультуры. И все пропавшее барахло вывалилось из моего мешка. Сунья громко выругалась, и ее тут же выставили из класса. А меня повели к директору.

– Господь следит за нами каждую минуту, – говорила миссис Фармер, пока мы топали через библиотеку в кабинет директора. – Даже когда нам кажется, что мы одни, Господь видит все, что мы творим.

Неужели и в туалете за нами подглядывает? Да не может такого быть.

Миссис Фармер остановилась перед секцией с научно-популярной литературой и повернулась ко мне. От нее пахло кофе, и она все моргала и моргала своими маленькими глазками.

– Ты разочаровал меня, Джеймс Мэттьюз, – сказала она и

поводила перед моим носом толстеньким пальцем. – Огорчил и разочаровал! Мы приняли тебя в нашу школу, в нашу общину, в наши объятия, а ты что? В Лондоне, быть может, такое в порядке вещей, но...

Тут я как топну, даже полки затряслись, а том «Электричества» бухнулся на ковер.

– Это не я!

Миссис Фармер пожевала губами:

– Разберемся.

Если бы я был вором, у меня хватило бы ума не прятать украденное в свой физкультурный мешок.

Запихнул бы добро в штаны и оттащил домой. Вот это я и попробовал втолковать директору, но вышло только хуже.

Сунья ждала меня под директорской дверью.

– Это Дэниел тебя подставил! – выпалила она.

– Сам знаю, – огрызнулся я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.